

РАЗЛОМЫ



КРОТ

— ИСТОРИЯ СТАЛКЕРА —

18+

Borland Clause

Крот. История сталкера

<https://litres.ru/74048104>

SelfPub; 2026

Аннотация

Есть люди, которые идут в Зону за деньгами. Есть те, кому некуда больше идти. А есть те, кто идёт — потому что надеется.

Михаил Сергеевич Земцов, инженер-физик, примерный семьянин, человек с аккуратным почерком и привычкой планировать жизнь на годы вперёд — не должен был оказаться в Зоне. Не в его возрасте, не с его биографией. Но когда болезнь забрала здоровье его дочери и медицина развела руками, он сделал то, что делают отчаявшиеся люди: поверил в то, во что верить не следовало. В чудо. В артефакт, который способен исцелять.

Он нашёл Зону — а Зона нашла его.

За годы поисков он стал другим. Тело привыкло к радиации, слух обострился, ноги сами выбирали безопасный путь. Страхи поменяли форму. Маша всё болела, а нужный артефакт так и не удавалось найти. Она умерла в тот день, когда он был в очередной вылазке — не дождалась.

Позывной Крот он получил от других сталкеров — за то, что перерыл Зону насквозь в поисках своего счастья. Перерыл, но так ничего и не нашёл.

Содержание

Пролог. Точканевозврата	4
Глава 1. Сынучёного	9
Глава 2. Первый раз	15
Глава 3. Крот	21
Глава 4. Глубже	26
Глава 5. Ценапоисков	34
Глава 6. Нормально	39
Глава 7. Накануне	44
Глава 8. Путь круслу	52
Глава 9. Привал	61
Глава 10. Ловушка	68
Глава 11. Полечудес	72
Глава 12. Забег по «минному полю»	78
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Borland Clause

Крот. История сталкера

Пролог. Точканевозврата

Он понял это в тот день, когда возвращался на базу с пустыми руками в третий раз подряд.

Три похода. Три недели. Ноги в кровь, два контейнера с образцами, которые Колян-барыга принял с кислой миной и заплатил вдвое меньше оговоренного — потому что «рынок, ты понимаешь, брат, сейчас всё это дерьмо никому не нужно». Он понял. Кивнул. Взял деньги. Сел на лавку у барака и долго смотрел на грязь под ногами.

В кармане лежало письмо от Ирины. Бумажное — она принципиально писала бумажные, говорила «чтобы ты мог держать руками, раз уж меня не держишь». Он не открывал его два дня. Знал, что там. Не хотел знать точнее.

«Маша не спала три ночи. Температура была тридцать восемь. Врач приходил, сказал то же, что всегда. Я не понимаю, что ты ищешь там, Миша. Мы ждём тебя. Маша ждёт. Ты слышишь меня — ждёт.»

Он слышал.

Он слышал каждое слово каждого письма. Читал их, перечитывал, складывал в пластиковый пакет внутри рюкзака

— аккуратно, без единой складки. Это был его якорь.

Только артефакт так и не попадался.

Ни «вечный огонь» — который якобы лечил генетические мутации и который стоил столько, что на эти деньги можно было купить половину их городка. Ни «ночная звезда» — легенда, о которой говорили шёпотом у костра, и никто не мог подтвердить, что лично видел. Попадалось другое: «огненный шар» — хороший, но не то. «Медуза» — редкая, но не то. «Кристалльный пузырь» — красивый, бесполезный. Не то, всё не то.

Сталкеры у костра рассказывали байки о сталкере-ветеране Бегемоте, который нашёл что-то «по-настоящему лечебное» и загнал какому-то профессору за сумму с шестью нулями. Он слушал. Спрашивал. Бегемот умер три года назад — нарвался на карусель в северном секторе, когда ходил один.

Истории заканчивались по-разному. Зона не заканчивалась никогда.

Он открыл письмо.

Дочитал до конца. Сидел тихо — минуту, может, две. Потом встал, закинул рюкзак и пошёл за разрешением на следующий выход. Утром.

Вот тогда он это и понял.

Не словами. Словами это не выходило — когда пробовал формулировать, получалось либо слишком страшно, либо слишком банально. Просто что-то щёлкнуло — как щёлка-

ет предохранитель, когда его снимают. Тихо. Без обратного хода.

Он не уйдёт. Уже не уйдёт.

Не потому что нечего терять. Как раз наоборот — терять ещё было что. Жена. Дочь. Квартира с видом на парк, где они гуляли каждое воскресенье, пока Маша была здорова. Коллеги, которые ещё звали иногда на корпоративы. Жизнь, которая ждала его по ту сторону периметра — приличная, понятная, тёплая жизнь.

Он не уйдёт. Потому что там, внутри Зоны, что-то есть. Он чувствовал это — не умом, не приборами. Чем-то, что не имело названия, но работало. Что-то ждало его. Лежало где-то в глубине, под слоями аномальной грязи и звериных троп и чужих маршрутов, и ждало, пока он наконец придёт и возьмёт.

Ему так казалось.

А казалось так — потому что Зона умела увлекать людей, обволакивать и уже никогда не отпускать.

* * *

Он сидел на лавке до темноты. Сначала — просто сидел. Потом начал думать. Методично, как думал всегда, когда нужно было разобрать задачу.

Три года. Он ходил в Зону три года. Считая первый выход — двадцать восемь маршрутов, двенадцать из которых были больше чем на три дня. Он знал северный сектор лучше, чем знал собственную съёмную квартиру в городе. Знал, где

вода стоит после дождя, где детектор начинает врать из-за интерференции, в каком квадрате «каруселей» больше, чем показывают старые заметки в КПК. Это знание накапливалось само — без намерения, без плана. Просто — накапливалось, потому что он ходил и смотрел, и слушал.

Снаружи он этого уже не имел. Ничего похожего.

Там у него была съёмная комната с окном на парковку. Работа, которую он формально не бросал — брал отпуска, больничные, всё что можно, — но которая уже начинала смотреть на него как на человека, который вот-вот уйдёт сам. Ирина — с её бумажными письмами и терпением, которое имело предел. Маша — с её серьёзным взглядом и вопросом «папа, когда мне станет лучше?»

Он отвечал: скоро.

Скоро не наступало.

А Зона — была. Каждый раз, как он пересекал периметр, что-то внутри переставало болеть. Не потому что здесь было безопасно — как раз наоборот. А потому что здесь было ясно. Здесь каждое решение имело прямые последствия. Здесь не нужно было ждать — ни скорого, ни другого. Нужно было просто идти, смотреть, слышать.

Он понял ещё кое-что, сидя на той лавке.

Он искал артефакт для Маши. Это правда. Но где-то — глубоко, ниже этой правды — он искал ещё что-то. Что-то, чему не было имени. То самое, что заставляло его идти не к периметру, когда маршрут уже пройден, а ещё дальше. Ещё

один квадрат. Ещё один час. Ещё.

Зона держала его — не силой. Обещанием.

Не конкретным: не «ты найдёшь артефакт» и не «ты поймёшь что-то важное». Просто — обещанием того, что там есть что-то ещё.

Это и была точка невозврата. Не момент, когда уходить стало нельзя. Момент, когда он перестал хотеть, но еще не до конца это осознал.

Он встал с лавки. Зашёл внутрь. Лёг.

Зона молчала за стенами барака — тёмная, ночная, терпеливая. Она умела ждать.

Глава 1. Сынучёного

Отец объяснял Зону через уравнения.

Михаил помнил, как сидел в детстве в кабинете — узкое окно, тяжёлые тёмные шкафы, запах бумаги и старого табака, который впитался в обои настолько, что уже стал частью воздуха. Отец стоял у доски, которую повесил прямо в квартире, — жена ворчала, но смирилась, — и писал. Мел скрипел. Формулы ветвились от верхнего угла вниз и вправо, занимая всё пространство.

— Вот здесь, Миша, — говорил отец, — квантовое поле. Видишь? Оно не просто существует — оно взаимодействует. Каждое взаимодействие меняет состояние. Изменение состояния порождает новое взаимодействие. Понимаешь?

— Не совсем, — честно говорил Миша.

— Хорошо. Значит, придёт время и будешь понимать.

Отец засмеялся — своим особым смехом, тихим и внутренним, который он позволял себе только дома. На работе он был другим: сдержанным, точным, с тем профессиональным спокойствием, которое Миша позже научился отличать от настоящего.

Сергей Алексеевич Земцов занимался квантовой физикой тридцать лет. Писал статьи, которые публиковали в журналах с длинными непроизносимыми названиями. Ездил на конференции в Москву и один раз в Берлин, откуда привёз

Мише маленький складной нож и книжку на немецком, которую Миша не смог прочесть, но хранил долго. Работал в институте, где все знали его по имени-отчеству и уступали место у кофемашины.

А потом Зона расширилась.

Не взрывом — это было бы понятно. Взрыв — конкретная точка, конкретная причина, конкретный радиус. Зона расширилась иначе: медленно, неравномерно, с аномалиями, которые не подчинялись ни одной известной модели распространения. В один из дней периметр пришлось отодвинуть на три километра к западу. Через неделю — ещё на полтора к северу. И тогда люди начали задавать вопросы, на которые не было ответов.

Отец уехал в научный центр, когда Мише было двенадцать.

Не насовсем — поначалу. Командировка, три месяца. Потом три месяца стали шестью, шесть — годом. Потом он приезжал на выходные, потом на праздники, потом — всё реже. Мать объясняла это важностью работы. Миша не спорил. Понимал сам — по блеску в глазах, который отец уже не скрывал: там, у Зоны, он нашёл то, чего не давала ему нормальная физика. Загадку без решения. Явление, которое не укладывалось ни в одно из уравнений на его доске.

Это было сильнее семьи. Миша понял это позже. Намного позже.

В последний приезд — Мише было пятнадцать, лето, жа-

ра — отец достал из потрёпанного портфеля несколько листов, исписанных мелким почерком, и разложил на кухонном столе.

— Смотри, — сказал он. — Это не просто аномалии. Это поля. Квазиполя — мы пока не придумали лучшего слова. Они ведут себя как классические поля только в первом приближении. В действительности — они адаптивны. Каждое взаимодействие с человеком меняет поведение поля. Пони-маешь?

Миша смотрел на листы. Понимал — не всё, но много. Отец хорошо учил.

— А артефакты? — спросил он.

— Артефакты — это узлы взаимодействия. Точки, где квазиполе зафиксировало изменение и кристаллизовало его. — Отец ненадолго замолчал. — Некоторые из них содержат информацию. Не в цифровом смысле — в физическом. Они меняют состояние объектов, с которыми контактируют. Ткани, клетки, молекулы. Мы только начинаем понимать механизм.

— Они лечат?

Отец посмотрел на него — долго, с тем выражением, которое Миша потом научился читать как «вопрос правильный, ответ сложный».

— Некоторые — да. В определённом смысле. Но Зона не аптека, Миша. Запомни это. Она не создана для того, чтобы помогать людям. Она просто есть. А то, что мы из неё берём

— это наша интерпретация. Наша потребность.

Миша кивнул.

Запомнил.

Через два года отец умер. Инфаркт — прямо в лаборатории, ночью, когда работал один. Его нашли утром. На столе лежали расчёты, которые он не успел дописать.

Мише было семнадцать. Он поступил в политех на специальность «Инженерная физика» — не из романтики, не из памяти об отце. Просто умел считать и понимал сложные математические модели — заслуга отца. Тогда это казалось полезным.

* * *

Двадцать два года — первая работа. Проектировочный отдел в закрытом НИИ на окраине города. Экранирование, электромагнитная защита, расчёт полей. Скучно и обыденно. Зарплата чуть выше средней, коллектив немолодой, начальник с привычкой опаздывать на планёрки и при этом требовать пунктуальности от подчинённых.

Миша вписался быстро. Работал аккуратно, не спорил, делал то, что нужно.

Женился в двадцать четыре. Ирина преподавала в школе — математику, что Мише понравилось сразу: человек, который объясняет формулы детям, всегда сможет объясниться с человеком на его языке, без женской загадочности, которую Миша не понимал. Была прямой, без лишних слов, с лёгкой иронией, которая никогда не переходила в злость. Мише это

наверилось. Он сам был таким — или старался.

В двадцать семь родилась Маша.

Маленькая, с тёмными волосами, которые потом посветлели, с серьёзным взглядом, который с возрастом стал только серьёзнее. Она смотрела на мир с тем удивлённым вниманием, с каким смотрят дети, у которых внутри уже есть что-то своё — что-то, чему нужно просто дорасти.

Десять лет пролетели как один миг. Дочь, жена, работа, суббота на даче, воскресенье в парке. Нормальная жизнь нормального человека. Насколько нормальным было время, когда Зона продолжала тихо расширяться и слухи об артефактах ходили по рынкам как курс валюты — он не думал об этом. Слышал о Зоне краем уха. На работе коллеги иногда обсуждали проекты по изучению свойств артефактов. Это было где-то далеко. Не его.

* * *

Маше было десять лет, когда она заболела.

Не простуда, не грипп — что-то другое, чему врачи долго не могли дать имя. Температура держалась неделями, потом спадала и поднималась снова. Анализы выдавали аномалии, которые не укладывались в стандартные диагнозы. Ребёнок слабел. Ела плохо. Спала плохо. Смотрела на Мишу серьёзными глазами и спрашивала:

— Папа, когда мне станет лучше?

Он говорил: скоро.

Врачи разводили руками.

Третий специалист — платный, в хорошей клинике — поставил предварительный диагноз. Редкий синдром, аутоиммунный, с нейрологическим компонентом. Лечение — симптоматическое, прогноз — осторожный и расплывчатый.

— Что это значит? — спросила Ирина.

— Это значит, что мы можем снижать проявления. Но вылечить — нет. Не сейчас. Возможно, в будущем.

В будущем

Миша ехал домой в метро и смотрел в тёмное стекло. Напротив — реклама: «Сделай следующий шаг.» Картинка — горы, мужчина смотрит в даль. Он усмехнулся. Почти.

В тот вечер он зашёл на форум сталкеров. Не первый раз — он читал их иногда, с профессиональным интересом к описаниям аномалий. Теперь искал другое.

«Артефакты с лечебными свойствами — реально или байки?»

Тема оказалась старой, с сотнями ответов. Миша читал до трёх ночи.

Глава 2. Первый раз

Подготовка заняла шесть месяцев.

Он не торопился. Не потому что хотел тянуть — просто понимал: неподготовленный человек в Зоне живёт ровно столько, сколько занимает первая ошибка. Это он вычитал на том же форуме, и это совпадало с тем, что рассказывал отец.

Нашёл инструктора — бывшего ходока, который за деньги учил «технике безопасности на аномально загрязнённых территориях». Официально. За три месяца прошёл шесть занятий: базовая топография, работа с детектором, распознавание аномалий по косвенным признакам, первая помощь при лучевом поражении. Инструктора звали Палыч. Ему было за шестьдесят, он носил комбинезон даже в помещении и пах чем-то, что Миша не сразу идентифицировал — впоследствии понял, что это запах аномальной пыли, которая въедается в ткань и не отстирывается.

— Ты инженер? — спросил Палыч на первом занятии.

— Физик. Инженер-физик.

— Это хорошо. Значит, не будешь тыкать пальцем в «электру» и потом удивляться, почему пальца больше нет. Плохо то, что думаешь, что сможешь понять, как это работает. Не поймёшь. Никто не понимает. Запомни это и не обманывайся.

Миша запомнил.

Снаряжение собирал методично. Не самое дорогое — на дорогое денег не было, — но надёжное. Комбинезон с защитой от радиации второго уровня. Детектор «Эхо» — китайская копия немецкого «Анализатора», работала хуже оригинала, но в два раза дешевле. Нож. Аптечка. Фонарь с двумя запасными батареями. Компас — механический, без электроники. Рюкзак военного образца, который он купил на рынке у мужика с невыразительным лицом.

Из оружия — старый Макаров. Не потому что не мог себе позволить что-то получше. Потому что думал: я иду на короткую дистанцию, не вглубь, ненадолго. Мне не нужно больше.

Это было ошибкой. Первой из многих.

* * *

Периметр он пересёк в третьем квадрате, северный сектор.

Март. Земля ещё мёрзлая, воздух резкий, с привкусом химии, который Палыч называл «аномальным выхлопом». Детектор тихо попискивал — фон, только фон. Миша шёл по натопанной тропе, которую ему обозначили ещё на подготовке: «безопасная», в кавычках, потому что ничего безопасного в Зоне нет, но все же часто хоженная.

Первые сорок минут — ничего.

Лес как лес. Немного тише, чем обычный — птиц меньше, ветер странно себя вёл, как будто не решался заходить

дальше определённой отметки. Земля слегка потемнее. Запах — тот самый, химический, теперь более явный.

Потом — первая аномалия.

Он увидел её по трепету воздуха — именно так, как Палыч учил, не прямо, а боковым зрением, поворот, остановка, оценка. Метрах в семи, чуть левее тропы — карусель, небольшая, молодая. Трава вокруг скошена по кругу, как будто кто-то провёл циркулем. В центре — лёгкое свечение, почти невидимое днём.

Сердце ударило. Не от страха — от узнавания.

Он видел это на фотографиях, в описаниях, в учебных материалах, которые отец привозил домой. Но фотография — это не то. Это было живое. Настоящее. Зона была настоящей — не абстракцией на форуме, не рассчитанной моделью на доске.

Миша обошёл аномалию по широкой дуге — пять метров, как учили. Просканировал всё рядом — артефактов не нашёл. Пошёл дальше.

Детектор запищал на два «огненных шара» спустя час — один потускневший, не стоил ничего, второй приличный, но не то, что нужно. Взял второй. Вернулся к периметру.

Голова не болела. Руки не тряслись. Комбинезон был чист, если не считать грязи на ботинках.

Миша стоял на краю периметра и смотрел назад.

Зона молчала.

* * *

На второй выход он пошёл через две недели.

Маршрут тот же — северный сектор, третий квадрат, та же тропа. Он уже знал её наизусть: где земля мягче, где детектор начинает врать из-за близкой «электры», где лучше не срезать через кустарник. Шёл увереннее.

На третий час, когда он уже собирался разворачиваться, — услышал.

Сначала — просто шорох. Не ветер, не ветка. Что-то тяжёлое, живое, с неправильным ритмом движения. Детектор молчал — мутанты не давали аномального сигнала, это он знал из теории. На практике теория упёрлась в реальность вот так, без предупреждения.

Псевдоплоть вышла из кустов метрах в пятнадцати.

Уродливая тварь — он видел фотографии, они не передавали запаха. Кислый, тяжёлый, живой. Три центнера деформированной плоти на четырёх ногах с неправильными суставами. Маленькие глаза смотрели без выражения — не злобно, не охотничьи. Просто смотрели.

Потом она двинулась.

Не бежала — шла. Тяжело, раскачиваясь, с тем характерным чавканьем копыт по мёрзлой земле, которое потом будет сниться ему ещё несколько месяцев. Миша выдернул Макаров. Выстрелил два раза — оба раза попал, он умел стрелять. Псевдоплоть даже не замедлилась. Девятый миллиметр по такой туше — что горох по стене.

Он понял это за секунду до того, как она сократила ди-

станцию вдвое.

Бежать — тропа узкая, она догонит. Стрелять — бесполезно. Оставался один вариант: в сторону.

Миша прыгнул в кусты справа от тропы, упал, перекатился, встал. Псевдоплоть прошла мимо — по инерции, она не успела повернуть. Но уже разворачивалась.

А потом — чавкнуло иначе. Резко. Как будто что-то сломалось в воздухе.

Псевдоплоть зацепила «студень» — аномалию, которую Миша не видел, потому что не знал, как она выглядит снаружи, потому что не успел её заметить, потому что он был здесь второй раз и ещё ничего не знал по-настоящему. «Студень» держал тварь секунд пять, пока та вырывалась — достаточно, чтобы Миша смог уйти от нее.

Он не оборачивался и шел.

Уже за периметром он остановился. Прислонился спиной к дереву. Дышал.

Макаров был в руке. Костяшки рук белые от сжатия рукояти Макарова.

Если бы не «студень». Если бы аномалия стояла на метр правее. Если бы псевдоплоть не зацепила её краем. Макаров — это не оружие. Это иллюзия оружия. Нужно что-то по-серьезнее

В тот же вечер написал на форум: «Посоветуйте АКС под Зону, бюджет до восьми тысяч».

Ответов пришло двадцать три.

* * *

Он поехал домой. По дороге позвонил Ирине — «всё в порядке, буду к ужину». Сдал «огненный шар» барыге, получил копейки. Зашёл в аптеку, купил Маше витамины. Поужинал. Посмотрел, как дочь спит.

Ночью лежал с открытыми глазами и думал о Зоне. О «студне». О том, что он был в пяти шагах от смерти и не заметил аномалию, которая его спасла.

Глава 3. Крот

Второй выход был через две недели. Третий — через одну после второго.

К лету он ходил раз в месяц, к осени — раз в три недели, к следующей весне — стабильно раз в две. Маша болела — иногда ей становилось чуть лучше, но чаще ей было плохо, казалось, болезнь стоит на одном месте, а врачи всё так же не могли дать ясных ответов по лечению.

Миша искал.

На форумах, в разговорах с барыгами, в барах у периметра — везде, куда его допускали. Сталкерское сообщество принимало чужих осторожно: смотрели, оценивали, держали дистанцию. Но Миша не лез с расспросами, не хвастался, не ныл. Слушал. Помогал изредка — мог продумать маршрут, починить электронику, объяснить ассистентам научных центров аномалии с точки зрения физики, которую никто из сталкеров не знал на таком уровне. Это давало доступ.

Постепенно его стали узнавать.

Не по позывному — позывного ещё не было. Просто «физик», иногда «очкастый» — он носил очки, хотя в зоне менял на линзы. Прозвище не прилипало. Он не был достаточно ярким для прозвища.

На одном из привалов — поздняя осень, замёрзший ноябрь, костёр из трёх брёвен и шестеро ходоков, ни один из

которых не знал друг друга дольше недели — он впервые услышал про «Звёздную пыль».

Говорил Горбатый — ветеран, лет пятидесяти, с неправильно сросшимся переломом носа, который и дал ему прозвищной.

— Я видел её один раз, — говорил Горбатый, глядя в огонь. — Не брал, не нашёл — именно видел. Лежала в расщелине, километра три от Мёртвого города. Светилась синим, равномерно, без пульсации. На артефакт вообще не похожа — больше на кристалл с вкраплениями, будто смотришь на звёздное небо, правильная форма, углы почти идеальные.

— И что? — спросил кто-то у огня.

— Не взял. Был не один, клиент был. Клиент задержался у трамплина, я пошёл назад. Когда вернулся — пусто. Кто-то раньше подобрал или аномалия скрыла в себе, детектор ничего не показал.

— А какие свойства, лечит?

— Говорят. — Горбатый пожал плечами. — Говорят, если держать при теле всегда с собой — что-то меняется на клеточном уровне. Регенерация ускоряется, иммунитет скачет вверх. Научники платят за неё хорошо. Очень хорошо. Правда кто же такую вещь сдаст ученым, да и встречается редко.

Миша пил чай и молчал. Только запоминал.

«Звёздная пыль». Район Мёртвого города.

* * *

Мёртвый город был в западном секторе, в семи километрах от ближайшей точки входа. Закрытый для одиночек — не потому что запрещено, потому что там выживали единицы из тех, кто шёл впервые. Густое аномальное поле, мутанты, которых не видели больше нигде. Старое военное присутствие, оставленное поспешно, с вещами и техникой, которая ржавела прямо там, где её бросили.

Миша не пошёл туда в тот год. И в следующий — нет.

Он понимал свой уровень. Это был один из уроков, который дал Палыч и который Миша усвоил без возражений: переоценить себя в Зоне — значит не вернуться. Он ходил, набирался опыта, продавал артефакты, собирал деньги. Маленькими частями.

На третий год — стало лучше. Не с Машей. С ним.

Он научился читать Зону.

Не так, как читают книгу — не через глаза. Через ноги, через кожу, через что-то, что отец называл «сталкерской интуицией» — ощущение, которое возникает, когда долго живёшь в пространстве, подчинённом нелинейным законам. Детектор начал казаться лишним. Не потому что не нужен — нужен, как страховка. Но аномалии Миша начал предугадывать раньше, чем пищал сигнал.

Это пугало его поначалу.

Потом привык.

* * *

Позывной Крот появился в четвёртом году.

Он проходил через сектор с двумя другими ходоками — Рваным и Клещом, оба знакомые, хоженные. Задание было простым: сбор в на участке, где по данным разведки ученых скопились пустышки после последнего выброса. Деньги небольшие, зато безопасно.

Нашли пустышки. Рванный набрал свой контейнер и остановился — хватит. Клещ тоже. Миша попросил ещё час.

— Ты что там ищешь? — спросил Рванный.

— Тут должна быть «ночная звезда». Я видел характерный след на грунте — нужно только поискать в радиусе трёх ста метров вокруг.

— Ты уже два раза все по кругу обошел и ничего не нашёл, — сказал Клещ. — Как крот, честное слово. Роешь, роешь — толку ноль.

Миша не ответил. Пошёл.

Нашёл — не «ночную звезду». Другой редкий артефакт первой категории. Хорошие деньги. Не то, что нужно, но лучше, чем вернуться пустым.

На базе Рванный его встретил фразой: «О, Крот вернулся».

К концу недели прилипло.

Крот. Он сначала не возражал, потом перестал замечать, потом принял. Позывные в Зоне — как кожа: сидит неудобно, пока не привыкнешь. Потом и не думаешь о ней.

* * *

Пятый год принёс первый серьёзный разговор с Ириной.

Не скандал — Ирина была не из тех, кто устраивает скандалы. Просто разговор за столом, вечером, когда Маша спала. Ирина налила чай, поставила перед ним, села напротив и сказала:

— Миша, я хочу понять. Ты продолжаешь ходить туда, потому что веришь, что найдёшь что-то для Маши. Или уже по другой причине?

Он не ответил сразу.

— Я не знаю, — сказал он наконец. — Наверное, обе.

— Это честно. — Она помолчала. — Тогда ещё вопрос. Если бы Маша выздоровела завтра — сама, без артефактов — ты бы перестал ходить?

Долгая пауза.

— Не знаю, — повторил он.

Ирина кивнула. Встала, убрала чашки. Перед тем как выйти из кухни, остановилась.

— Я думала, ты скажешь «да». Или хотя бы «наверное».

— Пауза. — Спокойной ночи, Миша.

Он сидел за пустым столом и смотрел на холодный чай.

Это был первый раз, когда он понял то, что Ирина поняла раньше.

Глава 4. Глубже

После того разговора с Ириной он пошёл в Мёртвый город.

Не один — с группой из четырёх человек. Двое ветеранов: Слон и Прут — странная пара. Слон был габаритным и медлительным, оправдывал прозвище с избытком. Прут — тощий и нервный, дёрганный на вид, но в Зоне это куда-то девалось: шёл тихо, читал пространство хорошо, реагировал быстро. Четвёртый — молодой, Воробей, два года стажа, шёл в западный сектор впервые.

Крот тоже шёл впервые — но этого не сказал.

Профессиональная осторожность: не объявлять о незнакомии заранее. Лучше слушать и смотреть.

* * *

Мёртвый город оправдал своё название.

Не красотой — нет, «красивый» не то слово. Масштабом опустения. Они вошли с восточной окраины — через старый промышленный квартал, вдоль бетонных заборов с ржавой колючкой, которую никто не резал, и которая уже давно никого не останавливала. За заборами — цеха. Провалившиеся крыши, выбитые рамы, станки, которые стояли на месте, потому что их просто не успели вывезти. Или не захотели. Один из цехов был закрыт — двери заварены, и на этих дверях кто-то когда-то нарисовал белой краской череп. Краска

облупилась. Череп остался.

Кварталы домов начались через полкилометра.

Жилой район — или то, что от него осталось. Пятиэтажки, несколько более высоких панельных домов, которые стояли неплохо — бетон держался. Но в них явно не ступала нога живого существа — не то что человека, даже мутанты обходили некоторые улицы стороной. Почему — неясно. Детектор показывал умеренный фон, ничего критического. Но что-то в воздухе давило — не радиация, не химия. Давление пространства, которое привыкло быть пустым и не хотело ничего другого.

Слон называл это «проклятыми пятнами».

— Каждое место в Зоне, которое долго было пустым, начинает хотеть оставаться пустым, — говорил он, пока они шли по центральному проспекту, вдоль ржавых автобусов и покосившихся фонарей. — Это не мистика. Это поля. Аномальное поле стабилизируется вокруг отсутствия. Вокруг пустоты. Когда тыходишь — ты нарушаешь стабилизацию. Поле тебя выталкивает.

— Поэтому так давит? — спросил молодой Воробей.

— Поэтому. Привыкнешь. Или нет.

Крот шёл и слушал, и думал: вот оно. Вот то, про что рассказывал отец — адаптивные квазиполя, которые реагируют на присутствие. Не враждебно, не дружески — просто реагируют. Как жидкость реагирует на твёрдое тело. Просто старается вернуться к равновесию.

Он смотрел на окна, за которыми ничего не было. На машины, вросшие в асфальт — одна стояла прямо посреди перекрёстка, дверца открыта, как будто водитель вышел и сейчас вернётся. Уже лет двадцать как вернётся.

В Мёртвом городе время остановилось. Не метафорически — буквально: он чувствовал это через ноги, через то самое безымянное чутьё, которое нарабатывалось три года. Поле здесь было другим — не активным, не агрессивным. Застывшим. Как смола, которая давно затвердела и больше не течёт, но и не исчезнет никуда.

* * *

На третьем часу маршрута Воробей попросил остановиться.

— Там, — сказал он, кивнув в сторону. — Детектор фонит. Может, что-то есть.

Слон посмотрел в сторону, куда кивнул Воробей. Пятиэтажка, боковой вход, пролом в стене первого этажа — аккуратный, как будто вырезанный. Не аномалия — взрыв, давно. Внутри темно.

— Нет, — сказал Слон.

— Почему? Сигнал хороший.

— Потому что тёмные помещения в Мёртвом городе — нет. — Слон сказал это без интонации, просто факт. — Там «жарки» в коридорах. Невидимые. Я потерял там одного три года назад.

Воробей смотрел на пролом.

— Понял, — сказал он. — Не идём.

Пошли дальше.

Крот запомнил этот момент — как Воробей кивнул и отвёл взгляд. Спокойно. Без обиды. Хороший знак. Молодые, которые злятся на запреты, живут меньше, чем молодые, которые слушают.

Потом всё пошло не так.

Прут нашёл что-то — не артефакт, просто старый военный рюкзак у стены здания, прямо на земле, почти не истлевший. Внутри — ничего ценного, но он достал его, рассматривал. Воробей подошёл посмотреть. Они стояли в трёх метрах от стены и разговаривали.

Крот в тот момент был у угла — осматривал соседний проулок. Слон — на другой стороне улицы, спиной к ним.

Стена обрушилась бесшумно.

Не взрыв. Просто — осела. Верхний этаж начал соскальзывать первым, потом второй, потом всё это пошло вниз с тем тягучим низким звуком, который Крот потом слышал во сне. Прут среагировал — прыгнул в сторону, перекатился, встал. Воробей не успел.

Не потому что медленный. Просто — не успел. Полсекунды, может, меньше.

Пыль осела через минуту.

Слон стоял у края завала и смотрел. Не кричал, не звал — просто смотрел. Потом повернулся.

— Идём, — сказал он.

— Там Воробей, — сказал Прут.

— Знаю.

— Нужно...

— Идём, — повторил Слон. Всё тот же тон. — Он под третьим перекрытием. Достать нельзя. Пытаться — значит поднять следующее.

Прут молчал.

Крот смотрел на завал. Думал о том, что Воробей шёл в Мёртвый город впервые. Что у него было два года стажа и предпосылки стать хорошим сталкером.

Зона не считала этого достаточно, чтобы выжить.

— Идём, — сказал Крот.

Они пошли.

* * *

«Звёздной пыли» не нашли.

Нашли другое: «мерцающий рассвет» — артефакт редкий, нейтральный по воздействию, ценный для коллекционеров. Нашли «куски мяса» — несколько штук, хорошего качества. Крот взял пару себе — продать неплохо, но главное, в одном экземпляре он разглядел структуру, которую не видел раньше. Внутри — что-то вроде кристаллической решётки, правильная, почти симметричная. Он держал артефакт в перчатке и смотрел на него слишком долго — пока Слон не окликнул.

— Крот. Время.

— Уже иду.

Посмотрел ещё секунду и убрал.

Это была не «Звёздная пыль». Но что-то подсказывало — принцип тот же. Та же структура, только проще, другой уровень кристаллизации. Как будто он нашёл обычную соль там, где искал алмаз, и понял: геология та же, процесс тот же, только условия другие.

Обратно шли молча.

Прут не сказал ни слова до самого периметра. Слон — тоже. Крот тоже молчал — потому что нечего было сказать, а пустые слова в Зоне звучали хуже, чем тишина.

Воробей остался в Мёртвом городе.

Мёртвый город принял его как должное — без скорби, без церемоний. Просто — принял. Ещё одно тихое место в тихом городе.

Крот вернулся туда ещё четыре раза за следующие полгода. Каждый раз проходил мимо того завала. Не останавливался.

* * *

Шестой год принёс потерю.

Не смерть — пока нет. Потеря другого рода: Ирина сказала, что устала ждать.

Не сразу и не вдруг. Это накапливалось медленно — каждый выход, каждое «вернусь через неделю, Ира, это важно», каждый ужин, на котором он смотрел в стол и думал о Мёртвом городе. Она терпела долго — дольше, чем любая другая на её месте, как Крот понял потом. Ирина была из тех людей,

которые терпят из принципа: пока есть хоть какой-то шанс изменить ситуацию, нужно давать этому шанс.

Шанс не появился.

— Я не прошу тебя выбирать между мной и Зоной, — сказала она. — Ты давно уже выбрал. Я просто говорю, что принимаю этот выбор. Для тебя. И делаю свой.

— Ира...

— Маша остаётся со мной. Не потому что ты плохой отец — ты хороший отец, когда здесь. Просто здесь тебя мало.

Он не возражал. Потому что возражать было нечем.

Развод оформили тихо, без суда — Михаил отдал всё Ирине с дочерью, без скандала. Крот снял комнату в пяти минутах от старой квартиры — чтобы быть рядом с Машей, когда приезжал. Ирина не мешала ему видеть дочь. Это было лучшим, что могло произойти при всей горечи.

Маша спрашивала: «Папа, почему ты теперь там живёшь?»

— Так получилось, солнышко.

— Ты будешь приходить?

— Конечно.

— Каждый день?

Пауза.

— Когда смогу.

Маша кивнула. Серьёзный взгляд. Ей было уже шестнадцать — из-за своей болезни она так много потеряла из своей юности.

— Ладно, — сказала она. — Только приходи.
Он приходил. Не каждый день — нет. Но приходил.

Глава 5. Ценапоисков

Через год после развода он стал тем, кого Борланд потом увидит за столом в баре у Бармена.

Снаряжение хорошее, хоженое — не то, с чем выходят, чтобы произвести впечатление, а то, которое работает и которому доверяешь. Детектор заменил три раза, пока не нашёл тот, что был по душе — «Велес», дорогой, но точный, с калибровкой под аномальные поля западного и северного секторов. Оружие сменил ещё после первой ходки — АКСУ, потом на третий год простой АК с нормальным прикладом, потому что прикладом иногда тоже приходилось работать.

Биография обросла деталями, которые не рассказывают, но которые видно: правильная постановка ног, когда идёшь по незнакомому грунту. Привычка останавливаться перед поворотом — не боясь, а слушая. Умение читать карту одновременно с движением, не замедляясь.

Зона ему нравилась.

Это была правда, которую он наконец позволил себе сказать вслух — не другим, себе. Когда сидел один у костра в заброшенном доме и ел консервы и думал о том, что через три дня — контрольная точка, выход, автобус до города, Маша, — и понял, что не хочет.

Не не хочет видеть Машу. Не не хочет выходить.

Просто — хочет остаться здесь ещё немного. Вот в этой

тишине, в этом пространстве, которое давит и живёт, и не говорит ни слова, но всегда даёт понять, что оно здесь.

Ему здесь было лучше, чем снаружи.

Это была плохая новость.

* * *

«Звёздную пыль» он нашёл в конце того года, когда они с Ириной развелись.

Не в Мёртвом городе — в его пригороде, в полузасыпанном коллекторе, куда он полез по чьей-то старой карте с пометкой «проверить». Пометка была трёхлетней давности, автор, судя по всему, умер. Крот нашёл вход, прошёл двести метров по воде по колено, обнаружил узкий тоннель и в тоннеле — расщелину в стене, а в расщелине — синее свечение.

Ровное. Без пульсации.

«Звёздная пыль». Точь-в-точь как описывал Горбатый.

Он стоял перед ней долго. Три минуты, может — пять. Детектор показывал сильное аномальное воздействие, но не опасное — скорее как сильное поле, которое давит, но не жжёт. Крот смотрел на синий свет и думал об отце. О том, что отец называл «точками кристаллизации». О Маше.

Взял аккуратно — контейнер четвёртого класса, двойные стенки, защитная прокладка. Закрыл. Вышел из коллектора. На поверхности постоял минуту на ветру.

Через двое суток был дома.

Достал контейнер. Сел за стол. Поставил перед собой — просто посмотреть ещё раз, проверить, что не привиделось.

Синий свет пробивался сквозь крышку контейнера — слабый, ровный.

Взял телефон. Позвонил Ирине.

— Ира. Я нашёл «Звёздную пыль».

Пауза.

— И?

— Это то, что нужно. По всем описаниям. Я хочу отдать Маше — она выздоровеет.

Более долгая пауза. Ирина ответила не сразу. Потом ответила. Голос у неё был тихий — не тот тихий, который бывает от усталости, другой.

— Маша умерла вчера ночью. Внезапное ухудшение. Сердце.

* * *

Крот сидел с телефоном в руке после того, как она повесила трубку. Синий свет пробивался сквозь контейнер. Равномерно. Без пульсации.

Не плакал — не сразу. Просто сидел, смотрел в ту сторону, откуда пришёл. Зона была там, за периметром. Спокойная, как всегда. Не виноватая ни в чём.

Он вспоминал последний разговор с Машей. Две недели назад — она просила его не уходить. Смеялась от его историй. Смех у неё был хороший — лёгкий, не показной. Настоящий.

Крот закрыл глаза.

Потом открыл.

* * *

Пришёл на похороны. Стоял рядом с Ириной, которая смотрела в одну точку и держала руки сложенными перед собой. Ирина ни о чём его не упрекнула. Ни тогда, ни потом. Она была умнее этого.

После похорон они сидели на кухне в старой квартире. Он выпил чай. Ирина выпила чай. Соседи и родственники разошлись.

— Я не успел, — сказал он.

Ирина молчала.

— Я искал. Так долго искал.

— Знаю.

— Она умерла, пока я был там.

— Да. — Пауза. — Но ты умер раньше, чем она. Ей не хватало тебя.

Он смотрел на кружку. Чай был холодный — не заметил, пока пил.

— Ты вернёшься в Зону? — спросила Ирина. Не с осуждением. Просто спрашивала.

Долгое молчание.

— Да, — сказал он.

Она кивнула. Встала, убрала кружки.

— Я так и думала. — Пауза у раковины. — Не потому что ты плохой человек, Миша. Просто ты уже другой.

* * *

Продал «Звёздную пыль» научному центру за хорошие

деньги — за очень хорошие. Передал часть Ирине. Остальное ушло на снаряжение.

Через три недели снова вышел в Зону.

Не потому что нужно было — денег хватало, заданий не было. Просто потому что там был единственный вариант бытия, который ещё работал. В городе он ходил по своей съёмной квартире из комнаты в комнату и натыкался на тишину — слишком большую, слишком плотную, такую, в которой не было места для него.

В Зоне тишина другая. Она живая. В ней что-то происходит — что-то движется, смещается, дышит. Тишина Зоны не давила на уши. Она говорила.

Он шёл, и Зона разговаривала с ним шумом листьев и писком детектора, запахом аномального выхлопа и хрустом мёрзлой земли под ногами. Не о Маше — ни о чём конкретном. Просто о своём.

Этого было достаточно.

Глава 6. Нормально

Крот существовал здесь. Сейчас. В Зоне.

Другие сталкеры его знали. Не как легенду — как надёжного человека, которого можно взять в группу и не бояться, что он пойдёт не туда, запаникует или полезет на рожон. Умел ходить с учёными — это была его особенность, нишевое умение, которое ценилось. Учёных не любили брать в зону: они задавали вопросы, замедляли движение, тянулись к аномалиям с измерительными приборами, когда надо было держаться подальше.

Крот умел разговаривать с ними на их языке. Объяснять зону через физику, которую они понимали. Держать их в рамках, не обижая. Это был навык, который сформировался незаметно — на стыке отцовского наследия и собственного опыта.

За это платили чуть больше. И задания с научными группами шли в приоритете.

* * *

— Ты как сам-то, Крот? — спросил однажды Слон, когда они сидели у костра.

Уже поздно, группа спала, только они двое не спали — по неписанной договорённости, которая образовалась сама, потому что оба знали: кто-то должен слушать ночь, и у костра это делать удобнее, чем из спальника.

— В каком смысле? — спросил Крот.

— Ну. — Слон пожал плечами. — Слышал про дочку.

Прости. Сам понимаешь, база — это деревня, все знают.

Крот некоторое время молчал.

— Нормально, — сказал он наконец.

— Нет, не нормально. — Слон сказал это без осуждения, просто констатируя. — Но ты справляешься. Это видно.

— Справляюсь.

— Ты не думал... вернуться? Насовсем выйти?

Крот посмотрел на костёр.

— Некуда, — сказал он.

— Всегда есть куда.

— Не всегда.

Слон подумал, потом кивнул.

— Понимаю, — сказал он. — Я сам из таких. Только у меня другой повод.

Они сидели тихо. Костёр горел.

— Ты сколько ходишь? — спросил Крот.

— Семнадцатый год.

Это было очень много. Слон не был легендой — легенды, как правило, умирают молодыми, красиво и по делу. Слон просто ходил. Методично, аккуратно, без геройства и без лишних движений. За семнадцать лет это само по себе становилось чем-то серьёзным.

— И нормально? — спросил Крот.

Слон улыбнулся — не весело, скорее как улыбается чело-

век, который знает что-то, чего другой пока не знает, и не уверен, стоит ли рассказывать.

— Нормально, — сказал он. — Если не считать, что нормальная жизнь закончилась как раз семнадцать лет назад.

* * *

Крот думал об этом долго — уже после того, как Слон свернулся у костра.

Нормальная жизнь — это то, что было у Михаила Земцова. Инженер-физик, примерный семьянин, квартира с видом на парк. Чай в воскресенье, суббота на даче, Маша с серьёзным взглядом, которая спрашивала про аномалии. Это было нормально. Это было хорошо.

Этого больше не было.

У Крота нормальной жизни не было. Была другая — сложная, опасная, странная. Но своя. Именно своя — не унаследованная от Михаила Земцова, не построенная по чужой схеме. Нарботанная. Выстраданная. Здесь каждый рубец на ботинках был честным, каждый артефакт в контейнере — заслуженным, каждое молчание у костра — настоящим.

Возможно, это и значило «нормально».

Крот достал со дна рюкзака сверток с письмами от Ирины. Положил их в костер, прощаясь с прошлым собой. Отрезая все пути для Михаила.

* * *

Несколько месяцев спустя была другая ночь — тоже поздняя, тоже у костра, только группа другая и место другое. Се-

верный сектор, квадрат восемь, схрон у ручья, который пересыхал летом и разливался весной.

Молодой ходок — первый год, имя не запомнилось — спросил:

— Крот. Ты зачем здесь? Ты умный, образованный. Мог бы в городе работать. Преподавать.

Крот посмотрел на огонь.

— Потому что здесь понятно, — сказал он.

— Что понятно?

— Всё. — Пауза. — Там снаружи — много непонятного. Много того, что не контролируешь. Здесь — тоже не контролируешь. Но здесь хотя бы ясно, откуда идёт угроза.

Молодой думал.

— Это странная логика, — сказал он.

— Может, — согласился Крот. — Зато честная.

Он не добавил главного: что снаружи было место, где умерла Маша, и он не был рядом. Что снаружи была Ирина с её холодным чаем и фразой «ты уже другой». Что снаружи была квартира с видом на парк, в которой не было ничего его — ни запаха, ни следа, ни смысла.

Зона была его.

Этого было достаточно — чтобы остаться.

* * *

Слон уходил из жизни Крота медленно — не физически, просто реже пересекались. Разные маршруты, разные задания. Иногда встречались на базе — коротко, кивок, пара

слов. Иногда вместе ели за одним столом. Редко — разговаривали.

Последний раз говорили нормально — зимой. Слон сказал, что думает уйти. Совсем. Купить что-то за городом, тихое.

— Правильно, — сказал Крот.

— Ты так говоришь.

— Потому что это правда.

— А ты?

— Мне некуда.

Слон смотрел на него долго. Потом сказал:

— Некуда — это не ответ. Некуда — это просто пока не нашёл.

Крот не ответил.

Слон ушёл следующей весной. Купил участок — далеко от периметра, в другом регионе. Иногда писал. Коротко: «живой, огород, тихо». Крот отвечал так же коротко: «живой, зона, нормально».

Глава 7. Накануне

В научном центре открылся отдел изучения аномальных явлений с расширенным финансированием. Набирали проводников для долгосрочных экспедиций — на два, три месяца, в западный и северный сектора. Оплата хорошая. Требования: опыт от пяти лет, знание топографии, медицинская лицензия (базовый курс выживания засчитывался).

Крот подал заявку.

Прошёл собеседование. Присел перед мужчиной лет сорока пяти, с белым халатом, небрежно накинутым на плечи, и усталыми глазами человека, который задаёт один и тот же вопрос уже в двадцатый раз за неделю.

— Опыт — семь лет. Зона — западный, северный, центральный секторы. Западный — хорошо, центральный — на уровне. — Мужчина листал распечатку. — Образование — инженерная физика. Это объясняет отметку «знает язык учёных». — Он поднял взгляд. — Зачем вам это задание?

— Деньги.

Мужчина помолчал.

— Не врите, пожалуйста, — сказал он. — Мне всё равно, что там на самом деле. Но вранье на собеседовании — признак нестабильности.

Крот посмотрел на него.

— Привычка, — сказал он. — Мне нечем заняться сна-

ружи. Длинная экспедиция лучше, чем короткие выходы с паузами.

Мужчина снова смотрел на него — без осуждения, оценивающе.

— Честно, — сказал он наконец. — Беру.

* * *

Первая длинная экспедиция прошла за три месяца. Потом вторая. Потом третья. Научники менялись — Колесников появился где-то на четвёртой экспедиции и сразу понравился Кроту: неглупый, без снобизма, слушал то, что ему говорили, и не спорил с проводником на маршруте. Идеальный клиент.

С Колесниковым Крот ходил уже пять раз.

Деньги откладывал — механически, без конкретной цели. Снаряжение поддерживал в хорошем состоянии. Артефакты собирал, сдавал — это стало рутиной, как сдать отчёт по работе. Продал несколько редких образцов. Опубликовал анонимно три статьи на форуме — про квазиполя в западном секторе, про поведение «каруселей» при низкой температуре, про предвестники выброса. Последнюю перепечатали в закрытом журнале центра — без имени, просто «ваш текст использован».

Он не искал больше чудо-артефакты.

Не потому что разочаровался. Просто незачем стало. Артефакт без цели — просто кусок кристаллизованного поля. Красивый и бессмысленный.

Маши не было. Ирина жила своей жизнью — встретила кого-то, Крот слышал краем уха, не искал подробностей. Правильно. Ирина заслуживала нормальной жизни. Это была не его история.

Его история происходила здесь.

* * *

Бар у Бармена был местом, которое Крот знал давно.

Не самое уютное место — барак, переделанный наспех, с деревянными лавками, которые скрипели под любым весом, с единственной лампой на столбе снаружи, которую раскачивал сквозняк от входной двери — так, что тени на полу никогда не стояли спокойно. Зато надёжное. Бармен был из тех людей, которые жили не в Зоне и не снаружи, а в том пространстве между, которое и называлось базой — территориально за периметром, но всё же предбанник, а не Зона. Знал всех. Никому не доносил. Держал своё лицо, мог добыть информацию за отдельную плату, и цена была честной.

Крот туда заходил, когда нужно было переждать или послушать.

В тот день он зашёл потому что пришло сообщение — короткое, через общий канал: «Задание. Поход в восточный сектор. Научная группа Колесникова. Нужен проводник. Оплата по стандарту, выход послезавтра. Явка к Бармену.»

Восточный сектор — Крот ходил туда несколько раз в одиночных рейдах, но не слишком глубоко. Маршрут знал на

уровне, не больше. Значит, понадобится второй человек — кто-то, кто знает глубже, или кто умеет страховать там, где карта заканчивается.

Он зашёл в бар, занял место у стены, заказал чай — Бармен варил нормальный чай, это было редкостью. Стал ждать. Колесников не заставил себя долго ждать.

* * *

Их было четверо. Колесников — в своей обычной куртке с нашивкой экспедиции, с картой, уже наполовину разложенной, с тем сосредоточенным видом, который бывает у него на старте, до того как всё войдёт в рабочий режим. Рядом с ним — второй учёный: плотный, в очках, с рюкзаком, набитым явно выше разумного, с манерой держать блокнот под мышкой даже в помещении. Он был из тех ученых, которые записывают всё подряд — на случай, если потом пригодится. Крот с ним уже пересекался однажды, в том же составе: молчаливый, упрямый, в поле не путался под ногами, но на привалах любил поспорить о природе аномалий с видом человека, у которого на этот счёт сложилось собственное мнение.

Двое в гражданском держались чуть поодаль — спокойно, привычно, с той выправкой, которая сидит в теле и не исчезает, даже когда человек надевает полевую куртку без погон. Не туристы и не случайные люди. Военные, которых приставили к группе потому что Зона — не прогулочная территория.

Они обсудили маршрут и группу, помимо тех, кого видел Крот, в группе Колесникова было еще двое – ассистентка и еще один сталкер.

Потом Колесников сказал то, что хотел предложить и сам Крот:

— Нам нужен второй проводник. Восточный глубже, чем я хотел бы идти без подстраховки.

— Знаю, — сказал Крот. — Я уже думал об этом.

Кандидатуры они не обсуждали — Колесников явно уже был на кого-то нацелен. Но пока не говорил на кого.

* * *

Через полчаса вошёл Леший.

Крот видел много сталкеров.

Разных — старых и молодых, умелых и посредственных, тех, кто ходит в Зону за деньгами, и тех, кто ходит потому что больше некуда. Тех, кто боится и преодолевает страх каждый раз, и тех, кто не боится — потому что перестал ощущать риск, что само по себе опасно.

Леший был другим.

Молодой — лет двадцать, не больше. Худой, в костюме, который сидел как влитой — не новый, видно, что хоженный, что каждая деталь подогнана под конкретное тело. Двигался тихо. Не так, как двигаются люди, которые стараются двигаться тихо — а так, как двигается что-то, для которого тишина это просто способ существования. Не приложение усилий. Природа.

Сел напротив Сквозняка. Коротко переговорил. Сквозняк что-то подвинул — карту, скорее всего, Крот не видел. Леший смотрел на неё молча, ни разу не кивнул, ни разу не переспросил. Просто смотрел — и Крот понял, что он запоминает. Не изучает, не анализирует вслух — просто кладёт в голову, как кладут в контейнер.

Потом поднял взгляд.

На Крота.

Секунду. Спокойно. Без вызова, без настороженности — просто посмотрел, зафиксировал и убрал в ту часть головы, где хранится нужное.

Крот кивнул.

Леший кивнул в ответ.

Они были заочно знакомы, но никогда не работали вместе. Колесников заметил их зрительный контакт — поинтересовался у Крота о сталкере. И когда услышал позывной — без доли сомнений решил, что нашёл второго проводника. Осталось только договориться.

Как только Леший закончил говорить с Сквозняком, Колесников не стал терять время — подошёл к его столику сам.

Разговор был коротким. Крот наблюдал издали — не подслушивал, просто следил по движениям: Колесников говорил, Леший слушал, один раз что-то уточнил, потом кивнул. Всё.

Через короткое время Колесников вернулся, сияя в меру своих обычных возможностей, и только успел обронить Кро-

ту:

— Выход через полчаса.

* * *

Крот встал, направляясь к выходу. Как раз Леший поравнялся с их столиком — они шли в одну сторону, к двери, и раз уж предстояло идти вместе, незачем было откладывать знакомство.

— Крот, — сказал Крот.

— Знаю, — сказал Леший. — Видел тебя с Колесниковым на прошлой экспедиции. Северный сектор, сентябрь.

— Не помню тебя там.

— Не был в группе. Шёл параллельно.

Крот посмотрел на него внимательнее. Параллельный маршрут в северном секторе — это либо очень опытный одиночка, либо человек с конкретным заданием. Сентябрь в северном — холодно, поле нестабильное после летней активности. Не то место, где ходят для практики.

— По своим делам? — спросил Крот.

— По своим.

Коротко. Без объяснений. Крот не настаивал — правила сталкеров: не спрашивай о чужих заданиях.

— У ворот базы? — спросил вместо этого.

— Да.

— Что знаешь о маршруте?

— Достаточно. — Пауза. — Колесникову нужно пройти к старому руслу, там три точки наблюдения. Оттуда — на

восток, до промзоны. Обратно тем же маршрутом или через деревню, если возникнут проблемы.

— Думаю, возникнут, — сказал Крот. — После последнего выброса северная граница восточного сектора сползла. Примерно на километр.

Леший посмотрел на него — снова коротко, оценивающе.

— Сквозняк сказал то же самое. Знаешь этот маршрут?

— Ходил четыре раза за последние два года.

— Хорошо, — сказал Леший.

И всё. Разговор закончился — не потому что иссяк, а потому что было сказано ровно столько, сколько нужно. Крот оценил это. Многие ходоки говорили слишком много — от нервозности, от желания показать опыт, от привычки заполнять тишину. Этот молчал правильно: потому что тишина не требовала заполнения.

Крот немного притормозил.

Подумал: интересный человек. Очень молодой, но что-то в нём — взрослое. Не по возрасту. Как будто внутри живёт кто-то старше, кто смотрит через молодые глаза.

Глава 8. Путь круслу

Группа собралась у ворот базы раньше назначенного времени.

Крот пришёл раньше — привычка. Стоял чуть в стороне, смотрел, как подходят остальные. Колесников — уже знакомый, добродушный, с картой, сложенной вчетверо. Второй учёный — Крот не помнил имени, крепкий, в очках, с видом человека, который привык спорить, с рюкзаком явно тяжелее, чем надо. Рюкзак он разгрузит, как только найдёт момент. Не сейчас, потом. Человек в перегруженном рюкзаке в критической ситуации — лишний риск для всей группы.

Двое военных в штатском держались чуть в стороне — грамотно, с хорошим секторным охватом, не специально выстроенным, а просто привычным. Крот им кивнул. Они кивнули в ответ. Этого было достаточно — люди понимающие.

И девушка.

Молодая ассистентка, лет двадцати пяти. Куртка с нашивкой экспедиции, рюкзак аккуратный, ничего лишнего. Крот оценил — не снаряжение, а то, как она себя держала: не трусила и не изображала храбрость. Просто ждала и смотрела на всё с тем внимательным спокойствием, которое бывает у людей, хорошо подготовленных теоретически и ещё не проверенных практикой. Первый раз в Зоне — это читалось. Не плохо, просто факт.

И наёмник.

Крот видел его ещё в баре, но там не разглядывал — незачем было. Теперь — разглядел. Снаряжение дорогое, почти новое. Оружие хорошее, ухоженное, но носил его чуть не так — не критично, просто держал его не так как большинство в Зоне. Так носят люди, для которых оружие — инструмент профессии, а не часть пространства, в котором работаешь. Разница тонкая, но есть.

Взгляд спокойный, почти равнодушный. Оценивающий.

Не ходок, но с опытом. Наёмник. И судя по всему — хороший.

Леший появился последним — за пять минут до назначенного часа. Встал у ворот, обвёл группу взглядом.

Крот наблюдал за тем, как Леший смотрел на людей. Не рассматривал — именно оценивал: быстро, коротко, без демонстрации. Осмотрел группу одним движением взгляда — быстро, тихо, так, что половина людей и не заметила, что их оценивают. Интересный способ смотреть — не по лицам, по деталям. По тому, как стоят, как держат снаряжение, есть ли привычка к пространству или нет. Незнакомый наёмник — особый взгляд, дольше, внимательнее. Ассистентка — мгновенная оценка, нейтральная. Военные — спокойно, как смотрят на то, что не требует опасений.

Потом Леший махнул рукой.

— Идём.

И всё.

Никаких инструкций у ворот, никаких речей о безопасности. Просто — оценил всех, взвесил полевой опыт по манере держаться, не стал тратить слова на базе. Слова нужны в поле, где каждое должно что-то значить.

* * *

Зона приняла их молча.

Крот шёл на привычном месте — середина группы, чуть левее оси. Отсюда видно всех: и тех, кто впереди, и тех, кто сзади, и то, что происходит по сторонам. Детектор тихо работал — фон ровный, ничего тревожного. Он не только на него полагался. Детектор фиксирует то, что уже есть. Ноги и кожа — то, что только появляется.

Военные шли грамотно — молча, в хорошем ритме, без суеты. Учёные держались — второй учёный уже начинал отдуваться под своим рюкзаком, но не отставал. Ассистентка шла ровно, писала что-то в блокнот на ходу, умудряясь не спотыкаться.

Наёмник двигался замыкающим — самостоятельно, без команды, чуть в стороне от общей оси.

Вот это — интересно.

Не плохо само по себе. Замыкающий в стороне — это прикрытие фланга. Но в чужой группе, на первом выходе, такое решение принимают либо очень опытные, которые уже оценили обстановку и решили, либо те, кто привык работать по своим правилам вне зависимости от контекста. Разница важная.

Крот пока не знал, какой это случай. Он наблюдал за Лешим.

Тот шёл впереди и не оглядывался — но Крот понял очень скоро, что это не значит «не следит». Леший знал, где каждый из них находится, без оборота головы. Это было видно по тому, как он менял темп: замедлялся именно тогда, когда один из учёных начинал отставать. Ускорялся, когда группа уплотнялась и дистанция сокращалась до опасной.

Без слов.

Просто — держал группу, как держат пространство: не физически, а вниманием.

Крот вспомнил отца. Сергей Алексеевич говорил: «Настоящий физик чувствует поле, не измеряя его.»

Может, и настоящий сталкер — тоже.

* * *

Чувство тревоги пришло минут через двадцать.

Крот почувствовал его легким ознобом по спине. Будто кто-то за твоей спиной, но ты об этом еще не знаешь.

Он дважды огляделся. Ничего — ни звука, ни движения. Детектор молчал.

А потом заметил, что Леший скорректировал маршрут — взял правее, на открытый участок. Без объяснений, без остановки, просто — чуть правее. Группа прошла следом автоматически.

Крот понял. И коротко бросил взгляд на Лешего. Тот едва заметно покачал головой.

Потом.

Значит — видит. Тоже чувствует. Хорошо.

Крот продолжил идти, но старался не фокусироваться взглядом, пытался ухватить детали вокруг периферийным зрением. На открытом участке стало чуть спокойнее, но ощущение не ушло полностью. Что бы это ни было — оно держалось на дистанции и не атаковало. Просто шло рядом.

Интересно. И неприятно.

* * *

Студень они нашли через час — точнее, нашли место, где он был.

Леший остановил группу жестом — резко, без предупреждения. Крот среагировал сразу: встал, оценил. Военные — тоже хорошо. Учёные притормозили с секундной задержкой — нормально для ученых.

Впереди, между двумя валунами, было пустое углубление. Студень здесь стоял давно — серая желеобразная масса, медленно пульсирующая, Крот обходил её раньше. Сейчас — пустота. Сухое дно, тёмная земля, идеально круглый след.

И на дне — что-то лежало.

Леший подошёл к краю, присел. Крот встал за его плечом чуть сбоку — достаточно близко, чтобы видеть, достаточно далеко, чтобы не мешать.

Клякса.

Он видел их описания, но живьём — первый раз. Чёрная, по-настоящему чёрная, такая, что взгляд соскальзыва-

ет. Пульсирует медленно, почти незаметно. Артефакт редкий — учёные ещё толком не понимали, что с ним делать, практического применения не установлено.

Леший протянул к ней руку. Замер на секунду. Потом достал контейнер и убрал.

Крот смотрел.

Зачем? Что он в ней почувствовал?

— Это же клякса, — сказал он. — Зачем тебе? Её даже учёные толком не...

— Потом, — сказал Леший.

Крот замолчал. Ладно. Потом так потом.

Он наблюдал за тем, как Леший достал мешочек с металлическими дробинками — мелкими, тяжёлыми — и разметил место. Три дробинки треугольником у края углубления.

Глазам доверяй да проверяй. Молодец.

Крот и сам перепроверял места, где раньше была аномалии, а сейчас ее нет, только с другими маркерами. Практично. Зона не любит, когда к ней с доверием.

Ассистентка уже стояла у Лешего за плечом с планшетом, сыпала вопросами — зачем дробинки, зачем клякса, чтобы описать в отчётах. Леший ответил «идём» дважды, без интонации. Ровно.

Крот сбоку хмыкнул — тихо, себе под нос.

Первый выход. Она запомнит.

* * *

Кабанов он почуял раньше, чем услышал.

Запах пришёл первым — резкий, мускусный, с зональной химической ноткой, которая появляется у тварей, проживших в поле достаточно долго. Крот знал этот запах. Плохой знак — зональные кабаны в открытой местности не прячутся. Они либо идут мимо, либо идут на тебя.

Леший поднял кулак ещё до того, как запах стал очевидным для остальных.

Почуял раньше меня. Хорошо.

Группа встала. Военные подняли оружие без команды — Крот отметил, не в первый раз за сегодня — молодцы. Сам шагнул чуть в сторону, освобождая сектор обстрела. Наёмник исчез за деревом — бесшумно. Крот не слышал движения. Совсем.

Вот это — профессионально.

Три кабана вышли из редколесья справа. Матёрые, с костяными пластинами на загривке, пожелтевшими от времени. Они заметили группу секунды за три до выхода на открытое место — и не остановились. Ускорились.

Крот держал оружие, но не стрелял — ждал. Не потому что боялся, потому что Леший впереди, и было интересно посмотреть, как он работает.

Леший не отступил.

Крот знал — кабаны берут на испуг, отступать нельзя, группа рассыплется. Но знать и сделать — разные вещи. Леший же просто стоял. Спокойно, без суеты, как стоят люди, которые не принимают решение — у которых решение уже

принято.

Выстрелил дважды — в сочленение пластин у передней ноги. Первый кабан споткнулся, ушёл в сторону, не лёг, но вышел из атаки.

Второго взял Винт. Один выстрел, точно под ухо. Кабан лёг сразу.

Хороший выстрел. Очень хороший.

Третий затормозил — увидел двух упавших, крутанулся с хрюкающим рёвом и ушёл обратно в редколесье. Хруст стих быстро.

Тишина вернулась.

Крот медленно выдохнул. Огляделся — все на ногах. Ассистентка стояла бледная, планшет прижат к груди обеими руками, но держалась. Молодец.

* * *

Он смотрел на Лешего.

Тот уже развернулся к лесу — туда, откуда пришли кабаны. Стоял тихо, смотрел. Крот тоже посмотрел в ту сторону. Ничего. Лес. Тишина.

Но кабаны от кого-то бежали.

Адреналин прошел, и то же самое ощущение вернулось — присутствие, чего-то или кого-то, — ощущение снова зашевелилось на краю восприятия.

Леший почувствовал то же самое. Крот был уверен.

Кто-то ведёт нас. Или идёт следом. Без намерения атаковать — пока. Просто смотрит, изучает.

Это было нехорошо.

— Идём, — сказал Леший. — Русло близко.

Крот кивнул. Занял своё место в группе.

Глава 9. Привал

После кабанов Зона словно выдохнула.

Аномальный фон упал до нормы, детектор тихо тикал без предупреждений, тропа шла ровно. Неприятное ощущение никуда не делось — сидело где-то между лопатками, тихое и постоянное, как заноза — но больше ничего не происходило. Группа шла молча, в темпе.

Крот был на стороже, его излишнюю тревожность считали только Леший и Винт.

Но час прошёл спокойно. Потом ещё полчаса.

Он поравнялся с Лешим на открытом участке — тот шёл впереди, детектор в руке, взгляд по сторонам. Тихий. Ровный. Крот кивнул на показания.

— Чисто?

— Пока да, — сказал Леший.

— До русла час, может чуть больше. — Крот помолчал.

— Если погода не скажет своё слово.

* * *

Небо потемнело быстро — не постепенно, как бывает с обычной тучей, а разом, будто кто-то накрыл горизонт крышкой. Ветер поднялся из ниоткуда — сырой, порывистый, с запахом озона и мокрой земли. Трава легла волнами. Деревья зашумели.

Леший остановил группу.

Крот остановился сразу — без команды. Просто почувствовал по тому, как Леший замер, что это не пауза для проверки детектора. Остановка по делу.

Тот смотрел на небо. На лес. На детектор. Потом думал — недолго, молча, без видимого колебания.

Крот думал то же самое, что, судя по всему, думал и Леший: в одиночку — можно идти. В дождь аномалии светлее, заметнее. Опытному ходоку дождь не помеха, а скорее подспорье. Но семь человек — другой разговор. Один потерявшийся из виду в ливень среди «каруселей» — и ищи потом.

— Крот, — сказал Леший.

— Уже думаю. — Крот щурился на горизонт, вспоминал. — Тут где-то деревня старая. Заброшенная, давно. Я в ней был года два назад с другой группой. Там есть дом на краю — подвал сухой, крепкий. Можно переждать.

— Далеко?

— Минут двадцать на северо-запад. — Пауза. — Может, двадцать пять.

Леший развернул карту. Крот навис рядом, ткнул пальцем — нашёл быстро, место помнил хорошо. Деревня обозначена пунктиром, нежилой объект. Крюк от маршрута, но небольшой.

Первые капли упали на карту.

— Идём, — сказал Леший, складывая её.

* * *

Двадцать пять минут растянулись.

Дождь начался раньше, чем дошли. Не ливень — пока ещё нет, но плотный, холодный, с ветром, который бил в лицо и путал направление звука. Лес потемнел. Трава стала скользкой.

Крот шёл и думал о том, что уже бывал в этом доме. Знал, что подвал держится, что балки крепкие, что вода не заходит. Это было приятным знанием — редкость в Зоне, когда точно знаешь, что тебя ждёт впереди. Но что-то все равно не давало покоя.

Взгляд за спиной никуда не делся.

Он пробовал засечь — дважды намеренно замедлился, пропустил вперёд группу, стал замыкающим на несколько минут. Смотрел в лес. Слушал. Дождь шумел, ветер гнул ветки, детектор молчал.

Ничего.

Но — было. Он был в этом уверен так же, как был уверен в надёжности своего рюкзака. Не страх, не галлюцинация. Присутствие. Умное. Оно не пыталось нападать, не подходило ближе. Просто шло рядом — на своей дистанции, в своём темпе.

Это его и беспокоило больше всего. Случайный мутант не ведёт себя так. Случайный мутант либо нападает, либо уходит. Это — наблюдало.

Леший, судя по всему, думал то же самое.

Когда группа вошла в редколесье у деревни, Крот порав-

нялся с ним — негромко, не для остальных:

— Давно замечаешь?

Леший покосился на него.

— С начала маршрута.

— Я тоже. — Пауза. — Детектор чист.

— Знаю.

Больше не сказали ничего. Достаточно было и этого — оба видели одно и то же, оба держали в уме. Не паника, не версии, просто факт, который нужно держать открытым.

* * *

Деревня появилась из дождя внезапно.

Сначала — силуэт покосившегося забора, потом тёмные провалы окон, потом сами дома. Крот узнал её сразу — та же, что и два года назад. Та же покосившаяся изба в центре, тот же дом с провалившейся крышей у колодца. И тот же дом на краю — приземистый, с толстыми брёвнами, с крышей, которая держалась.

Он прошёл вперёд, нашёл дверь, потянул — скрипнула, открылась. Кивнул остальным.

— Здесь.

Подвал был именно таким, каким он его помнил — сухим, низким, пахнущим старым деревом и землёй. Крот спустился первым, огляделся. Всё на месте, ничего лишнего. Потолочные балки держатся. Один выход. Нормально.

Группа устраивалась — кто на полу, кто на ящике. Военные встали у стены без слов, профессионально. Колесников

развернул карту, второй учёный достал блокнот — и тут же, судя по виду, вспомнил про фляжку. Ассистентка стряхнула воду с куртки, огляделась. Спросила у Лешего:

— Долго?

— Пока не пройдёт.

— А если часа три?

— Значит, три часа.

Она замолчала. Крот оценил — Леший говорил не грубо и не мягко, просто дал понять, что этот разговор ни к чему не ведёт. Правильный тон.

Сам он сел между учёными — привычное место. Колесников уже тянулся с вопросами про маршрут, второй учёный доставал фляжку. Это был их рабочий режим: пауза — значит, можно думать вслух.

Крот достал термос.

— Леший, — позвал он. — Чай будешь, если из термоса налью.

Тот стоял на лестнице — три ступеньки вверх, смотрел в дверной проём на деревню.

— Налей, — сказал Леший, не оборачиваясь.

Крот налил. Поставил на ступеньку рядом с ним.

Дождь барабанил по крыше — ровно, плотно. Деревня молчала снаружи.

Взгляд всё ещё был.

Крот это чувствовал даже здесь, в подвале. Не так остро, как на маршруте — стены и земля давали какое-то экрани-

рование, или просто расстояние. Но — было. Что-то снаружи ждало. Терпеливо, как умеют ждать те, кому некуда торопиться.

Он налил себе чай. Сел.

Второй учёный пустил по кругу фляжку.

Крот взял.

* * *

Разговор у учёных вышел долгим — на удивление со-
держательным для людей, которые только что промокли на-
сквозь и сидели в земляном подвале. Колесников задал во-
прос про аномальные поля и пространственные карманы,
второй учёный не согласился с базовым тезисом, и дальше
всё пошло само.

Крот говорил — объяснял, отвечал на вопросы, спорил
там, где было что сказать. Это его нишевое умение: разгова-
ривать с учёными так, чтобы они слышали, и с ходоками так,
чтобы понимали. Мост между двумя языками, которые опи-
сывают одно и то же с разных сторон.

Краем глаза он наблюдал за остальными.

Военные лежали у стены. Глаза закрыты. Дышат ровно.
Умеют использовать паузу — это правильно, это професси-
онально.

Ассистентка сидела у противоположной стены. Смотрела
на Лешего — тихо, не агрессивно, просто с тем интересом,
который бывает у человека, который видит перед собой что-
то не вполне понятное. Леший, похоже, это заметил и отвер-

нулся без лишних слов. Крот мысленно усмехнулся.

Молодой. Но правильно сделал.

Винт сидел чуть в стороне. Спиной к стене, лицом к подвалу — так, что видно всех и лестницу разом. Крот знал эту позицию. Сам так иногда садился в незнакомых компаниях.

Либо у человека привычка, которую не отключают. Либо — он кого-то пасёт. Либо ожидает, что пасут его.

Интересный вопрос. Пока без ответа.

Фляжка сделала ещё один круг. Крот взял — последний раз на сегодня.

Деревня молчала.

Глава 10. Ловушка

Проснулся он раньше Лешего.

Почти раньше. Когда открыл глаза — Леший уже сидел у лестницы, смотрел в потолок. Или думал. Не поймёшь его.

Крот потёр лицо. Голова была чистая — не от усталости, не от фляжки. Просто что-то в воздухе подвала изменилось за ночь. Не запах, не звук — то самое безымянное чувство, которое нарабатывается годами. Что-то стало больше. Плотнее.

— Это у меня, — сказал он негромко, — или...

— Не у тебя, — сказал Леший.

Молчание.

— Плохо.

Леший кивнул. Не добавил ничего — не было необходимости.

* * *

Завтракали молча.

Это само по себе было показателем. Колесников ел механически — он всегда говорил за едой, это была его норма, неотключаемая. Сейчас — молчал. Смотрел в кружку. Второй учёный не спорил — ни с кем, ни о чём. Ассистентка держала кружку двумя руками и смотрела в стену.

Крот наблюдал за этим и думал: вот это плохой знак. Когда тревогу чувствуют ходоки — это рабочая ситуация.

Когда её чувствуют учёные, которые в Зоне второй день и ещё не выработали никакого чутья — это значит, что сигнал громкий. Очень громкий. Настолько, что его ловит даже неподготовленный человек — как ловит инфразвук, не слыша его ушами, а чувствуя кожей.

Это было нехорошо.

Леший поднялся первым — без слов, по лестнице наверх, в дом. Пробыл там недолго. Спустился. Сел на ступеньку.

Группа смотрела на него. Все.

— Леший, — сказал Крот осторожно. — Что там?

— Аномалии, — сказал Леший. — Везде.

— В смысле — везде?

— В смысле — весь посёлок. — Пауза. — После дождя. Как грибы выросли. Там, где вчера было чисто.

Тишина.

Второй учёный открыл рот: — Это невозможно. Аномалии не возникают так быстро. Для формирования аномальной структуры нужно —

— Я знаю, что нужно, — сказал Леший. — И тем не менее.

Крот встал, поднялся на две ступеньки, посмотрел в дверной проём.

Деревня снаружи выглядела как деревня. Утренний свет, мокрая трава, тёмные бревенчатые стены. Ничего видимого.

Но он чувствовал. Там, где вчера было пространство — сейчас было поле. Не локальное, не точечное — сплошное, как туман после ночи. Оно пришло вместе с дождём, или

за дождём, или использовало его как прикрытие. Аномалии не возникают так быстро — это правда. Это противоречит всему, что он знал о механике Зоны.

Но детектор молчит. А поле есть.

Крот вернулся. Сел на ящик.

— Детектор молчит, — сказал он.

— Молчит.

— Тогда как ты...

— Чувствую.

Крот посмотрел на Лешего. Тот смотрел в ответ — ровно, без объяснений. Просто факт.

Крот кивнул. Медленно, принимая это. Чутьё — не мистика, это накопленный опыт, который обрабатывается быстрее, чем сознание успевает сформулировать. Леший чувствует поле — и всё. Спорить с этим так же бессмысленно, как спорить с тем, что земля мокрая после дождя.

Колесников поднял руку — жест человека, привыкшего к совещаниям.

— Что это значит практически? Мы заперты?

— Пока — да.

— И как долго?

Леший не ответил сразу. Думал. Крот смотрел на него и пытался понять, что именно тот просчитывает. Пути выхода? Поведение поля? Время разрядки?

— Крот, — сказал Леший наконец. — Ты слышал про аномальное поле, которое перемещается?

Крот медленно повернулся к нему.

Слышал. Конечно, слышал. Теория Зонникова — рабочее название, автор уже умер. Подвижные поля, которые не привязаны к конкретной точке пространства, а движутся по каким-то своим законам. Отец упоминал краем — как гипотезу, которую считал интересной, но не подтверждённой.

— Слышал, — сказал Крот. — Теория. Считается, что не подтверждённая.

— Считалась, — сказал Леший.

Крот смотрел на него секунду.

Подвижное поле. Вот что он чувствовал весь вчерашний день. Не мутант, не случайное присутствие наблюдателя — само поле, которое шло следом, а ночью накрыло деревню, пока они спали.

Это объясняло всё. И делало ситуацию значительно хуже, чем просто «много аномалий».

— Вот это да, — сказал Крот тихо.

Не от страха. От того удивления, которое бывает, когда что-то, что ты считал теорией, оказывается прямо перед тобой — настоящим, ощутимым.

Отец был бы в восторге.

Сам Крот — не в восторге. Но это отдельный вопрос.

За стенами подвала деревня молчала. Поле сидело снаружи — плотное, невидимое, терпеливое.

Не просто поле. Что-то еще ощущалось в нем.

Крот об этом не сказал вслух. Пока рано.

Глава 11. Полечудес

— Крот. Винт. Со мной.

Крот поднялся сразу. Леший развернул карту на ящике — не спрашивая, не объясняя зачем, просто развернул и начал говорить.

— Мне нужна точная схема посёлка. Каждый дом, каждый проём, расстояния между строениями. Насколько помните.

Крот взял карандаш и начал рисовать — уверенно, по памяти. Он знал местность. Пространство лежало в голове чётко: вот центральная улица, вот покосившийся дом у колодца, вот расстояние от крыльца до угла — шагов десять, не больше.

Леший смотрел, поправлял там, где видел точнее.

Потом взял карандаш Винт.

Крот наблюдал за ним. Наёмник добавлял детали без слов, без колебаний — забор у северного дома, три пролёта, средний завален. Колодец правее, чем казалось. Калитка у крайней избы — открыта, не заперта, в дождь, в темноте, мимоходом — он снял периметр.

Серьёзный человек.

Карта вышла плотной. На неё ушёл час.

— Жди здесь, — сказал Леший, забирая листы.

— Я пойду с тобой, — сказал Крот.

— Нет. Ты нужен здесь. — Пауза. — Если я не вернусь через четыре часа — группу попытаешься вывести сам. Если мы оба там погибнем, результат для группы будет плачевным.

Крот не стал спорить. Логика верная. Он кивнул.

Леший взял карту и вышел.

* * *

Четыре часа — это было много и мало одновременно.

Много — потому что сидеть в подвале и ждать, пока один человек разбирается с тем, что накрыло весь посёлок, было занятием нервным. Мало — потому что то, что Леший взялся сделать, Крот не представлял, как вообще можно сделать за четыре часа.

Пройти посёлок вручную. Найти маршрут через аномальное поле, которое детектор не видит. Без приборов, только чутьём.

Крот сидел и думал об этом.

Он сам умел чувствовать поле. Выработал это за семь лет — медленно, неравномерно, не осознавая, когда именно это началось. Просто в какой-то момент перестал полностью доверять детектору и начал больше доверять чутью. Но то, что делал сейчас Леший снаружи, — это было другого уровня. Не просто сталкерское чутье. Это было больше похоже на чтение поля как карту.

Откуда это в двадцатилетнем парне — непонятно.

Учёные тихо переговаривались у стены. Военные молча-

ли — один спал, второй смотрел на лестницу. Ассистентка что-то записывала. Винт сидел на прежнем месте — спина к стене, лицо к подвалу.

Крот поймал его взгляд.

Винт смотрел не на него — на лестницу. С тем выражением, с которым смотрят люди, у которых в голове идёт отдельный разговор, не связанный с тем, что происходит снаружи.

Потом встал, молча поднялся по лестнице и вышел.

Крот смотрел ему вслед секунду.

Вышел следом за Лешим. Незаметно — так, что никто внизу, кажется, не обратил внимания.

Интересно.

* * *

Леший вернулся через три с половиной часа, Винт не за долго до него.

Крот услышал шаги раньше, чем увидел — тяжелее обычного, усталость в каждом шаге, но ровные, без спешки. Зашёл в подвал. Сел на ящик. Разложил карту.

На листе была паутина линий, крестиков, стрелок. Аномалии — обозначены крестами. Маршрут — прямой линией между ними, с пометками: стоп, быстро, левее, три шага. Тайминг в некоторых местах — цифры карандашом.

Крот смотрел на карту и понимал: это три с половиной часа работы в одиночку, без приборов, в пространстве, которое детектор не видит. Это была карта, которую он сам никогда не смог бы составить — не потому что не умеет, а потому

что не умеет так.

Ассистентка наклонилась над листом — и замерла. Потом достала блокнот и начала перерисовывать. Быстро, почти не глядя на карандаш.

Леший посмотрел на неё. Ничего не сказал.

Крот перехватил этот взгляд. В нём не было раздражения — скорее что-то вроде: пусть. Всё равно.

Интересная реакция для человека, который только что потратил три часа на эту карту и который знает цену такой информации в Зоне.

— Слушайте внимательно, — сказал Леший, и разговоры стихли. — Маршрут я прошёл. Сорок минут, может больше. Темп — мой. Где скажу стоять — стойте. Где скажу бежать — бежите без вопросов и не останавливаетесь. — Обвёл взглядом группу. — Аномалии после разрядки нестабильны. Окно небольшое. Кто промедлит — подведёт всех.

Тишина. Кивки.

— Крот, военные — впереди. Не как отмычки. — Взгляд на Крота — быстрый, прямой. — Я буду сзади, буду видеть весь маршрут. Если что-то сместится — скорректирую.

— Понял, — сказал Крот.

Себя поставил сзади. Значит — готов среагировать на любого. Значит, никого не считает расходным материалом, включая учёных.

— Выдвигаемся.

* * *

Первые двадцать минут шли хорошо.

Леший вёл голосом — коротко, без объяснений. Шаг левее. Стоп. Три шага вперёд. Правее. Быстро. Крот шёл первым в группе и транслировал команды телом — не словами, движением: остановился значит стоп, повернул значит поворот. Люди подхватывали.

Посёлок вокруг выглядел как посёлок.

Это было самым неприятным. Никаких видимых аномалий, никакого свечения — просто мокрая трава, тёмные брёвна, серое небо. Обычное заброшенное место. И при этом Крот чувствовал поле со всех сторон — плотное, нервное после дождя. Он шёл по невидимому коридору, который Леший прорезал в этом поле, и старался не думать, что будет, если коридор сдвинется.

Военные держали темп хорошо. Учёные — хуже, но держались. Ассистентка шла ровно, смотрела под ноги.

До выхода — метров десять.

* * *

Крот почувствовал раньше, чем увидел.

Не сам удар — изменение в воздухе. Давление качнулось в сторону. Сзади — хлопок, лёгкий, как пробка, и сразу нарастающее гудение.

Он обернулся.

Рюкзак второго учёного — тот самый, перегруженный, который он собирался разгрузить и не разгрузил — задел воронку краем. Военные среагировали мгновенно, выдернули.

Учёный устоял.

Воронка начала раскручиваться.

— Стоп! — крикнул Леший.

И сразу же, через секунду:

— Крот! Бегите! Все — бегите! До выхода осталось немного!

Крот рванул.

Карту он запомнил, но все же сверился с картой на ходу — одним взглядом, секунда — и пошёл по маршруту уверенно, без колебаний. Выход прямо, чуть левее последнего дома, не останавливаться. Военные шли следом, след в след — хорошо, правильно. Учёные за ними — тяжелее, но держали линию.

Краем глаза — ассистентка.

Стоит.

Посреди коридора, смотрит на воронку. Ноги не держат — он видел это по тому, как она осела, как будто колени решили, что с них хватит.

Крот подумал было вернуться — и остановился.

Леший был ближе.

В три шага оказался рядом, схватил, потащил по коридору. Крот видел это боковым зрением, уже на бегу — как Леший тащит её, как за спиной начинает грохотать по-настоящему, цепочкой, одна за другой.

Пробежал последние метры. Выскочил из поля.

Встал, отдышался. Обернулся. Начал пересчитывать всех.

Глава 12. Забег по «минному полю»

Военные — здесь. Оба. Учёные — здесь. Колесников задыхается, согнулся, руки на коленях. Второй учёный стоит прямо, смотрит на поле с видом человека, у которого в голове не хватает слов для того, что он видит.

Двоих не было.

Леший. И Винт — тот вообще исчез где-то между подвалом и выходом. Крот не заметил когда. Был в подвале, потом не было. Тихо, как умел только он один.

Поле детонировало. Аномалии наслаивались друг на друга, пространство теряло форму — хлопки, вспышки, давление на уши, которое было не звуком, а чем-то, чему слово «звук» не подходило. Смотреть в ту сторону было как смотреть на несколько реальностей одновременно.

Потом в воздухе свистнуло — резко, по дуге — и на траву метрах в двадцати упала ассистентка.

Упала неплохо. Голову закрыла, плечо приняло удар, откатилась. Крот уже бежал.

— Живая?

Она подняла голову. Посмотрела на него.

— Живая, — сказала она.

И расплакалась.

* * *

Они сидели на траве метрах в пятидесяти от границы по-

ля.

Детонация сходила на нет — медленно, с паузами. Посёлок тонул в тишине и наложениях, которые ещё не разошлись.

Никто не говорил.

Военные смотрели на поле с той профессиональной злостью, которая бывает у людей, когда ситуация вышла из-под контроля и кто-то остался внутри. Они не суетились, не кричали — просто стояли и смотрели. Колесников смотрел в землю. Второй учёный закурил.

Крот тоже закурил. Стоял чуть в стороне от всех, смотрел на поле.

Рюкзак второго учёного. Он собирался разгрузить его ещё на маршруте — увидел, что перегружен, решил: потом. Потом не случилось. Если бы разгрузил — рюкзак не зацепил бы воронку. Воронка не раскрутилась бы. Цепи не было бы.

Он об этом не сказал. Не потому что боялся — просто незачем. Прошлого не исправить, а группе сейчас не нужна его исповедь.

Ассистентка говорила — быстро, сбивчиво, как говорят, когда нужно выпустить то, что распирает. Рассказывала, как застыла. Как Леший появился и потащил её по коридору, который она не видела. Как швырнул в аномалию — она думала, это конец. Как в полёте поняла, что нужно сгруппироваться.

— Он спас меня, но отрезал себе все пути, — сказала она.

— Из-за меня он погиб.

Никто не ответил.

Крот затаился, смотрел на поле.

Злился на Лешего — это было честно, он не пытался это прятать от себя. Послал вперёд, иди, я сзади.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.